

Для Джои подобное было просто верхом унижения. Впрочем, как и для любого другого альфы.

Проиграть омеге в физической силе — как такое вообще возможно? Это шло вразрез с самой природой вещей.

Самооценка Джои получила сокрушительный удар. Лежа под чужой ногой, он думал, что, пожалуй, никогда в жизни не забудет этого омегу.

Чу Ци присел рядом с ним, склонил голову набок, вглядываясь в его лицо, и тихо спросил:

— Теперь сможешь нормально поговорить?

Только сейчас Джои впервые смог как следует, вблизи рассмотреть этого человека и вдруг заметил, что за красивой внешностью паренька не скрывается абсолютно никаких эмоций.

Как омега может быть настолько спокойным перед лицом альфы? Разве что он бета или... действительно несовершеннолетний.

Убедившись, что Джои наконец утих, Чу Ци поджал губы и продолжил:

— А теперь позволь представиться. Меня зовут Чу Ци Рон. Если тебе незнамо это имя, то могу добавить: я младший брат Энди Рон, которого после приюта правительством направили в театральное училище.

— Я понял, кто ты, — сухо бросил Джои, хотя в душе уже кусал локти от раскаяния. И впрямь затмил разум блеск красоты: такой прекрасный омега стоял в одиночестве, и попадись он кому другому, с чего бы это досталось именно ему?

Чу Ци кивнул и заговорил дальше:

— Брат велел мне найти здесь альфу, который захочет и сможет на мне жениться. Цена за это немалая, и ты, полагаю, это понимаешь.

Превратить общедоступную игрушку, с которой все молчаливо согласны разделять ложе, в чью-то личную собственность — сколько же людей тогда придется оскорбить? Джои — это вам не генерал Панде. И даже первому, кто поставил на нем метку, не тягаться с подобным правом, добытым таким праздным мажором.

— Понял я. Ты можешь меня отпустить? — с некоторым раздражением произнес Джои.

Чу Ци отступил на шаг:

— Тогда будем считать, что сегодня вечером ничего не произошло?

Ноги Джои всё еще покалывало от онемения. Шатаясь, он оперся о стену и поднялся на ноги. Только он собрался что-то сказать, как вдруг почувствовал, что с его организмом творится что-то неладное, и вмиг переменялся в лице.

То же самое ощутил и Чу Ци. Он почувствовал лишь, как волна жара поднялась от феромонных желез на задней стороне шеи и мгновенно разлилась по всему телу. Кожа затрепетала от мелкой дрожи, внутри возникло томительное ощущение пустоты и жгучей тревоги, словно тело жаждало грубого обращения, подчинения и чужой метки.

Это чувство было ему прекрасно знакомо — именно это он помнил о тех минутах, когда только переродился и оказался в ловушке на той мягкой широкой постели.

Джои засунул руку в карман, вытащил оттуда раздавленную пробирку и отбросил ее в сторону. Жидкость внутри была бесцветной и не имела запаха, большая ее часть уже успела улетучиться, и Чу Ци, кажется, всё понял.

Джои с трудом выдавил из себя:

— Вообще-то, это было для возбуждения.

Нашлось бы немного желающих носить с собой такую вещь. Однако он никак не ожидал, что его уложит на лопатки какой-то омега. И хотя препарат уже испарился, подходить к нему во второй раз Джои не очень-то решался.

Чу Ци мысленно выругался: судя по всему, за эти шестьдесят лет весь прогресс медицины сводился исключительно к подобным вещам, раз уж средство оказалось настолько бесцветным и без запаха, что от него даже не защититься.

— У тебя есть подавители? — с холодным лицом спросил он.

Джои криво усмехнулся:

— Только ингибитор феромонов вколоть.

Чу Ци не стал продолжать разговор и, прежде чем окончательно потерять контроль, ребром ладони ударил его прямо в шею. Как бы то ни было, пусть Джои и не блистал силой, но оставался альфой, однако рухнул бесшумно.

Дурнота накатывала на Чу Ци всё сильнее, грозя затуманить разум. В конце концов, до совершеннолетия ему оставалось меньше года, все функции организма были уже практически сформированы, а два подряд применения стимуляторов вызвали выброс феромонов — причем каждый раз ощущения были всё ближе к настоящему периоду течки.

Так дело не пойдет, надо срочно что-то придумать.

Чу Ци до боли впился ногтями в ладони, ценой этой боли возвращая себе крупицу ясности.

В банкетном зале толпилось столько альф, что в одиночку ему с ними не справиться. Того и гляди схватят едва переступишь порог, и этой же ночью те мужчины разорвут его на части.

Боли он не боялся, да и здоровью вредить было не вперёд, а о рождении детей он и вовсе никогда не помышлял. Но если всё обернется так, и он превратится в чью-то наложницу, несвобода рук спутает все его планы.

Поэтому ни в коем случае нельзя допустить, чтобы кто-то заметил его странное состояние. Сейчас у него были всего два человека, к которым он мог обратиться за помощью: Саймон или Энди.

Чу Ци решил сначала связаться с Саймоном.

По его мнению, хоть у Саймона и были собственные виды на него, пока еще тот оставался надежным человеком. К тому же при их полупопечительских-полунadzорных отношениях обращаться к нему за решением проблем казалось само собой разумеющимся.

С Энди дело обстояло иначе. Во-первых, положение самого Энди оставляло желать лучшего, а во-вторых, Чу Ци вовсе не приходился ему настоящим братом, поэтому он не мог с легким сердцем тревожить человека по пустякам.

Он погладил устройство связи на запястье, но ответа от собеседника не последовало и спустя почти минуту.

Луис, решившийся подстроить ловушку для Джои и Чу Ци, разумеется, подготовился самым тщательным образом.

Его отец занимал высокий пост в военном ведомстве, и через нужные связи завести разговор с рядовым офицером из другого отдела не составляло особого труда.

Луис быстренько отыскал генерал-майора из разведывательного управления, а тот был только рад поближе сойтись с сынком генерала. После нескольких прощупываний почвы они, казалось, и впрямь прониклись друг к другу симпатией с первого взгляда. Воспользовавшись случаем, Луис вскользь упомянул о Чу Ци:

— Ты ведь наверняка слышал историю о моем отчиме? Его младший брат, кажется, сегодня тоже здесь объявился.

Собеседник не проявил особого интереса, но всё же вежливо поддержал разговор:

— Знаю, что есть такой человек, только особой славой он вроде не снискал.

— Это в прошлом, — понизив голос и явно демонстрируя хорошую осведомленность, произнес Луис. — Говорят, этот малыш недавно участвовал в каком-то шоу и собрал отличные отзывы. У него ведь теперь немало поклонников, верно? Разве тебе не любопытно, почему он столько лет сидел в тишине, а тут вдруг так оживился? Уж не затевает ли чего?

Стоило зайти речь о том, что у кого-то могут быть скрытые мотивы, как собеседник тут же насторожился.

Луис понимающе улыбнулся:

— Ладно, не буду тебя отвлекать, созвонимся как-нибудь.

Именно так Саймона отвлекли служебными делами. Само собой, во время отчета по работе включать коммуникатор на запястье категорически запрещалось. Не сумев связаться с ним, Чу Ци не оставалось ничего иного, кроме как переключиться на Энди.

Энди отдыхал в комнате отдыха на верхнем этаже. Физической подготовкой он похвастаться не мог, а перед самым уходом ему пришлось пережить немало бурных минут, так что по дороге у него даже подрагивали ноги.

Заметив на экране браслета имя Чу Ци, он уже собирался принять видеовызов, как вдруг дверь в комнату отдыха с грохотом распахнулась, и на пороге возник его пасынок с откровенно злорадным выражением лица.

— Подожди минуту, у меня срочный звонок. — Энди отвернулся и потянулся пальцем к кнопке принятия вызова.

Однако Луис сделал шаг вперед, перехватил его за запястье и закрыл собой весь свет. Густой запах омежьих феромонов на мгновение вызвал у него легкое головокружение, а оставшийся на этом теле аромат отцовских феромонов заставил Луиса от смущения впасть в ярость.

— С кем это ты беседуешь? Неужели отцовских ласк тебе мало? — намеренно изрыгнул он двусмысленную фразу.

— Это мой брат, прекрати! — сердце Энди пропустило удар от тревоги, в груди шевельнулось дурное предчувствие. Чтобы успокоиться, ему непременно нужно было прямо сейчас связаться с Чу Ци.

— Хочешь толкнуть брата на ту же дорогу, что выбрал сам? Бесстыдство какое, — холодно усмехнулся Луис. — Чью это семью ты науськал разрушить?

Энди с досадой потер виски, снова пытаясь объяснить ему то, в чем за все эти годы так и не смог добиться понимания:

— Моя судьба не зависела от моего выбора, и трагическая участь твоего второго отца-омеги совершенно не имеет к мне никакого отношения. Даже без меня разве твой отец не бросил бы его ради другого омеги из знатного рода? Подумай хорошенько, я никогда не стремился жить с тобой душа в душу, но умоляю, прекрати эти бессмысленные истерики.

Луис ехидно бросил:

— И что с того, что мои истерики бессмысленны? Ты сам сказал: твоя судьба не в твоих руках, так что, пожалуй, терпеть мои капризы — одна из граней твоей предопределенности.

Пока Луис не отпускал его руку, Энди был лишен возможности связаться хоть с кем-то через браслет. Беспомощно наблюдая, как вызовы от Чу Ци мигают и затухают один за другим, он с мольбой во взгляде вскинул голову:

— Пусть обо мне думают что угодно, но сначала отпусти! Меня ищет Чу Ци, я обязан с ним связаться.

— А вот не отпущу, и что ты мне сделаешь? — Луис мертвой хваткой вцепился в его запястье и всем корпусом подался вперед.

В панике Энди упустил из виду колебания феромонов, но Луис отлично чувствовал: сейчас его собственное тело необычайно восприимчиво, оттого и отцовский запах казался таким одуряюще-тяжелым.

Феромоны альф взаимно отталкиваются; эта биологическая особенность служит предостережением для любого чужака: омега уже помечен, и попытка повторной насильственной метки равносильна объявлению войны. Первый метивший способен выследить по оставленным захватчиком феромонам хоть на край света, а потому, за исключением особых обстоятельств и круга лиц, никто не преступает общепринятый кодекс альф.

Луису следовало бы отступить давным-давно. Концентрация его собственных феромонов была невысока, а значит, он фактически вел борьбу с той крошечной толикой жесткого запрета, что оставил его отец. Но ради того, чтобы помешать Чу Ци связаться с Энди, они находились слишком близко друг к другу — слишком долго для того, чтобы не поддаться влиянию чужих омежых феромонов.

Энди обладал чистейшей королевской кровью, и исходящий от него аромат был смертельным искушением для любого альфы — в том числе и для презиравшего его до глубины души, но уже перешедшего черту дозволенного пасынка.

Вторая рука Луиса тоже протянулась вперед и легла на затылок Энди. Раздвинув мягкие, но мешавшие пряди, он слегка погладил нежную кожу подушечками пальцев, и в нем зародилось незнакомое прежде возбуждение.

По иронии судьбы в этот нелепый момент Луис почувствовал, что наконец-то понял своего

отца. Устоять перед таким опьяняющим ароматом и манящим телом, не возжелать завладеть ими безраздельно было просто невозможно.

Луис опустил голову, припав горящими губами к чужой коже, и в помутненном сознании теплилась лишь последняя искра разума: стоит ли опасаться, что родной отец погонится за ним до самого края света за то, что он тронул этого человека?

— Ты сошел с ума? — не в силах вырваться, с ужасом выдохнул Энди.

Но это не помогло. Луис думал о том, что он, пожалуй, действительно сошел с ума — до такой степени, что вознамерился поставить метку на своем кровном враге и отчине.

Что ж, тогда он просто сочтет свои действия актом мести.

С этой мыслью он протянул руку, оттянул воротник одежды Энди и, охмелев от жара, принялся осыпать его тело поцелуями.

<http://bllate.org/book/24916/2948413>